
Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения*

© 2020 г. Е.О. Труфанова

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, 119049, Маролевский пер., д. 26.

E-mail: eltrufanova@gmail.com

Поступила 16.01.2020

В статье ставится вопрос о соотношении понятий индивидуальной и коллективной памяти. Показывается, что подходы к исследованиям индивидуальной и коллективной памяти, как правило, осуществляются с разных сторон: индивидуальная память часто выступает объектом естественнонаучных дисциплин и эпистемологии, а коллективная память исследуется политологией, социологией, историей и другими социогуманитарными науками. Обосновывается, что феномены коллективной памяти описываются через понятия, относящиеся к индивидуальной памяти, – амнезия, забвение, «травма» памяти, которые в данном случае выступают как метафоры. Показывается неразрывная связь понятий коллективной памяти и коллективного знания. Демонстрируется, что одним из важнейших механизмов «включения» индивидуальной памяти в коллективную является эмпатия, позволяющая «переживать» выраженную языковыми или иными знаковыми средствами память другого как свою собственную. Показываются особенности функционирования осознанной и неосознанной памяти. Отмечается, что одним из связующих понятий в исследованиях индивидуальной и коллективной памяти может выступать понятие нарратива – как автобиографической жизненной истории индивида и как истории коллектива – народа, нации и т. п. Обосновывается идея продуктивности совместных исследований индивидуальной и коллективной памяти на общих методологических основаниях.

Ключевые слова: память, коллективная память, историческая память, нарратив, история, эмпатия, идентичность.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–18–22

Цитирование: Труфанова Е.О. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 18–22.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00371).

Individual and Collective Memory: Intersection Points*

© 2020 Elena O. Trufanova

*State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky by-str., Moscow, 119049, Russian Federation.*

E-mail: eltrufanova@gmail.com

Received 16.01.2020

The paper deals with the question of relation between the individual and collective memory. It is shown that the approaches to research of individual and collective memory usually differ: individual memory is seen as an object of research of natural sciences and epistemology, while collective memory is studied by political science, sociology, history and other social sciences and humanities. It is substantiated that phenomena of collective memory are described via concepts that belong to individual memory – amnesia, oblivion, memory “trauma” etc., that in this case can be regarded as metaphors. The unbreakable link of collective memory and collective knowledge is shown. It is demonstrated that one of the most important mechanisms of connection between individual and collective memory is empathy that helps to “live through” the memory of the Other that is expressed in language or other sign means. It is shown that one of the interlinking concepts in the research of individual and collective memory is the concept of narrative – both the autobiographical narrative as a personal life story of an individual, and the narrative as the history of the group – of the people, of nation etc. The productiveness of common research of individual and collective memory on the same methodological basis is substantiated.

Keywords: memory, collective memory, identity, historical memory, narrative, history, empathy.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–18–22

Citation: Trufanova, Elena O. (2020) ‘Individual and Collective Memory: Intersection Points’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 18–22.

Первый вопрос, который встает, когда мы говорим о коллективной памяти, – это вопрос о соотношении данного понятия с памятью индивидуальной. Правомерно ли вообще использование термина «память» применительно к тому, что мы называем коллективной «памятью»? О коллективной памяти речь, как правило, ведется в историческом ракурсе, через призму политологических исследований; однако память является одной из важнейших когнитивных способностей человека и как таковая – предмет исследований эпистемологии. Возможно ли совмещение этих двух ракурсов исследований и будет ли оно полезно для лучшего понимания феноменов как индивидуальной, так и коллективной памяти?

Индивидуальная память чаще оказывается объектом исследований в естественных науках. Механизмы памяти изучаются психологами, вырабатываются специальные мнемотехники для облегчения запоминания как можно больших объемов информации, нейрофизиологи изучают изменения функционирования памяти, связанные с нарушениями

* The research was carried out at the expense of Russian Science Foundation (project No. 19–18–00371).

работы мозга – разного рода амнезии и т. д. Память как специфическая когнитивная функция организма не является исключительно человеческой способностью – животное может не обладать эпизодической памятью и не способно создавать автобиографические нарративы, но оно способно удерживать в мозге необходимую для своей жизнедеятельности информацию и действовать на ее основаниях. Но являясь врожденной, данной природой когнитивной способностью, человеческая память обладает в то же время важнейшим социальным смыслом. Память обеспечивает связность человеческого бытия – как внутреннюю связность человеческой личности (в виде личностной идентичности), так и ее связи с окружающими людьми. Память укореняет нас в обществе и в мире в целом, без памяти невозможна культура как таковая. Именно здесь и соединяются индивидуальная и коллективная память, часть коллективной памяти становится моей индивидуальной, и содержание моей индивидуальной памяти может пополнить память коллективную.

Что касается коллективной памяти, то в отличие от индивидуальной она не может быть изучена естественнонаучным путем: механизмы коллективной памяти исследуются уже исключительно в рамках социогуманитарных дисциплин. При этом ставится вопрос о том, какой из этих двух видов памяти является первичным. Так, Морис Хальбвакс, один из признанных авторов термина «коллективная память», утверждает, что индивидуальная память является вторичной по отношению к коллективной и с трудом существует вне последней [Хальбвакс 2005], однако эта позиция представляется мне неверной. Напротив, мне кажется, что использование понятия «память» по отношению к тем феноменам, которые описываются как «коллективная память», является своего рода метафорой. Само понятие памяти, воспоминания привязано не к социуму, а к индивиду. Так, к примеру, платоновская душа «припоминает» мир идей, и сам этот акт «припоминания» индивидуален. Память является важнейшей основой личностной идентичности. Именно феномены индивидуальной памяти становятся метафорами для описания памяти коллективной – амнезия, забвение, «травма» памяти и т. д. Таким образом, термин «коллективная память» через метафоры, отсылающие к индивидуальной памяти, описывает определенные способы организации коллективного знания (иногда знание как таковое определяется как «форма социальной и индивидуальной памяти» [Касавин 2001, 51]). В этом смысле проблему коллективной памяти имеет смысл рассматривать через призму таких концепций, как концепция Идеального Э.В. Ильенкова, «пространства смыслов» У. Селларза, «мира объективного содержания мышления» (или «третьего мира») К. Поппера. Все эти концепции могут быть поняты как выражение идей коллективной памяти и коллективного знания в предельном виде – как коллективного знания всего человечества.

Ассоциации обыденного мышления связывают понятия памяти и прошлого – неслучайно одна из наиболее исследованных разновидностей коллективной памяти – это историческая память. Понятие памяти на первый взгляд отсылает нас к временной модальности прошлого: вспоминать что-то – это возвращаться к прошлому. Однако память является необходимым залогом действий в настоящем – помимо осознаваемых нами воспоминаний (к примеру, связанных с событиями нашей жизни) наши повседневные действия и навыки также базируются на памяти, при этом, как правило, не осознаются нами как требующие усилий в припоминании. Помимо этого когнитивная наука описывает в качестве составляющей т. н. когнитивного бессознательного имплицитную память, «вид памяти, который работает с информацией, полученной в результате прошлого опыта, который не осознан человеком» [Катунин 2017, 213], – в этом случае получается, что память работает без осознания нами не только процесса припоминания, но и без осознания самого содержащегося в памяти события, т. е. без того, о чем мы помним. В этом смысле возможно говорить об осознанной и неосознанной памяти. И можно констатировать, что память является не только отсылкой к тому, что было, но она часто (осознанно и неосознанно) является определяющей для того, что есть. Здесь тоже можно провести аналогию с коллективной памятью – текущие социальные действия осуществляются на основе

уже усвоенных и «запомненных» социальных механизмов – устоявшихся образцов поведения, традиций и т. д.

Феномен связи индивидуальной и коллективной памяти, как мне представляется, ярко и образно выразил Роберт Рождественский в тексте песни «За того парня», в строчках «Что-то с памятью моей стало: все, что было не со мной, помню» – тут описана эмпатическая возможность индивида переживать «не свою» память, память Другого. Эта эмпатия очень важна в формировании коллективной памяти. Если в исследованиях коллективной памяти часто делается акцент на исторической памяти, на «работе с памятью» в рамках идеологии, то интересно обратить внимание именно на этот «психологический» аспект – на то, что включение индивида в коллективную память возможно именно благодаря эмпатии, благодаря способности ставить себя на место членов различных социальных групп, переживающих те или иные исторические события. Эта эмпатия «запускается» под воздействием исторических документов, художественных произведений, повествующих о событиях прошлого, и т. д. Недавно на конференции по проблеме исторической памяти одна докладчица – молодая девушка – сказала: «Я не понимала до конца, не осознавала, *что* такое холокост, пока не посмотрела фильм “Список Шиндлера”» (один из самых известных голливудских фильмов о холокосте, снятый режиссером Стивеном Спилбергом в 1994 г.). В этом смысле художественные произведения могут быть наиболее сильными «триггерами» эмпатии. Если ознакомление с историей возможно как рациональное освоение некоторой информации, то историческая (коллективная) память будет эмоционально окрашена с помощью индивидуального эмпатического «подключения» к ней. Конфликт истории и исторической памяти может заключаться не столько в различии представлений о том, какие события произошли, а в различии эмоциональных оценок одних и тех же событий.

Вероятно одним из самых сложных моментов в концептуализации коллективной памяти является различие разных видов подобной памяти – исследователи пишут об исторической, социальной, культурной и др. вариантах коллективной памяти. Часто в современных исследованиях понятие коллективной памяти просто редуцируется до исторической памяти, что мне кажется неверным. Как мне представляется, понятие «коллективная память» является наиболее широким, оно отсылает к тому, что речь идет именно о памяти коллектива (в противопоставление индивидуальному субъекту) – будь то небольшая социальная группа или человечество в целом. Понятие «исторической памяти» специфичнее – оно подспудно несет в себе некий политический окрас, говоря об истории, мы обычно говорим об истории народа, истории страны и т. п. Как индивидуальная память выступает основой для личностной идентичности, так историческая память выступает основанием идентичности нации. Здесь представляется крайне перспективным проведение параллелей между исследованиями исторической и индивидуальной памяти через понятие нарратива: с одной стороны, речь может вестись об автобиографических нарративах как жизненных историях [Щедрина 2018], а с другой – о собственно исторических нарративах.

Таким образом, мне представляется, что совместные исследования индивидуальной и коллективной памяти с точки зрения эпистемологии и когнитивных наук, с одной стороны, и политологии, истории и других социогуманитарных дисциплин, с другой стороны, обладают важным методологическим потенциалом, который необходимо использовать в дальнейших исследованиях этой темы.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Хальбвакс 2005 – Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27 [Halbwachs, Maurice *Les Cadres Sociaux de La Memoire* (Russian Translation)].

Ссылки – References in Russian

Касавин 2001 – Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 51–52.

Катунин 2017 – *Катунин А.В.* Когнитивное бессознательное: некоторые аспекты неосознаваемого познания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 111–119.

Щедрина 2018 – *Щедрина И.О.* Самосознание и автобиографический нарратив: эпистемологический анализ. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Щедрина Ирина Олеговна; Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, 2018.

References

Kassavin Ilya T. (2001) 'Knowledge', *New Philosophical Encyclopedia*, 2, Mysl', Moscow, pp. 51–52 (in Russian).

Katunin Alexander V. (2017) 'The Cognitive Unconscious: On Some Aspects of Unconscious Cognition', *Humanities Research in the Russian Far East*, 3, pp. 111–119 (in Russian).

Shchedrina Irina O. (2018) *Self-consciousness and autobiographical narrative: epistemological analysis. Thesis in Philosophy*, State Academic University for the Humanities, Moscow.

Сведения об авторе

ТРУФАНОВА Елена Олеговна –
доктор философских наук, профессор
Государственного академического университета
гуманитарных наук.

Author's Information

TRUFANOVA Elena O. –
DSc in Philosophy,
professor at the State Academic University
for the Humanities.